

Дом Борщова

В. Н. Бочков,
краевед

«Дом Борщова» играет весьма важную роль в формировании архитектурного облика и историческом прошлом Костромы.

Расположенное на центральной площади города и обращенное фасадом на Волгу, здание является, по существу, единственным в Костроме жилым особняком дворцового типа, как бы уравнивающим находящиеся по другим сторонам массивное здание Присутственных мест и высокую пожарную каланчу и в то же время «держашее» отходившие от него улицы: Шагова (б. Марьинскую) и проспект Мира (б. Павловскую).

В мае 1773 года преимущественно деревянную Кострому постиг страшный пожар, фактически уничтоживший ее. После этого укрепления Кремля и т. н. «Нового города» решили за ненадобностью не восстанавливать, а находившиеся недалеко от крепостных стен «Конную площадку» и стан «сенных трушников»¹ согласно генеральному плану Костромы, подтвержденному в 1784 году, перенести на Павловскую площадь (позднее Сенная, ныне площадь Мира). Место, находящееся под площадкой, было передано здешнему дворянскому роду Борщовых и предполагалось под застройку. На первых порах Борщовы выстроили на нем деревянный дом и разбили большой огород².

Разумеется, ординарное деревянное строение на главной площади губернского центра могло существовать лишь известное время. Возведение нынешнего каменного особняка было связано с именем Сергея Семеновича Борщова (1754—1837). Маститый воин славной суворовской эпохи, генерал-лейтенант, он в период Отечественной войны 1812 года занимал важный и ответственный пост генерал-провиантмейстера (начальника снабжения) русской армии. Назначенный после завершения военных действий сенатором, Борщов путем возведения respectable особняка в самом центре Костромы как бы подчеркивал перед земляками свою состоятельность и высокое служебное положение. Впрочем, Сергей Семенович понимал толк в архитектуре — в конце 1820-х годов он поручил талантливому архитектору П. И. Фурсову возвести каменный усадебный дом в своем загородном родовом имении Борютино, где проводил много времени и был похоронен.

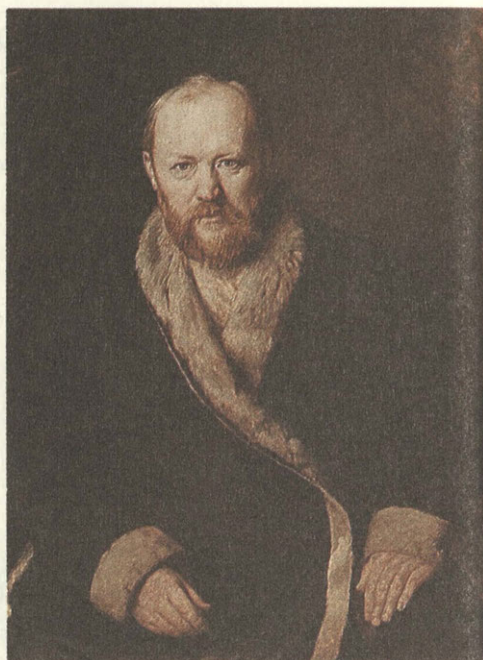
Что касается дома в Костроме, то его строительство началось в 1818-м и завершилось в основном к 1823 году. В основу был положен «образцовый», т. е. типовой проект № 10, частично видоизмененный наблюдавшим за ходом работ губернским архитектором Н. И. Метлиным (1770—1822)³. «Крупный

Окружной суд.
Кострома. Из
коллекции
А. Анохина.

масштаб и представительность обусловили его восприятие как общественного здания, — отметил известный искусствовед В. Н. Иванов. — Он органично вошел в архитектурный ансамбль центра. Повышенная за счет антресольного этажа центральная часть главного фасада особенно выделена восьмиколонным портиком коринфского ордера. Колоннада поставлена на постамент и выглядит монументально и торжественно. В интерьере особняка заслуживает внимания чугунная лестница, ведущая на второй этаж из главного вестибюля... Парадные двухсветные залы, занимающие часть дома, составляют анфиладу»⁴.

Высокую оценку зданию дают и другие специалисты. «Решение его главного фасада, — отмечает, например, И. М. Разумовская, — было продиктовано тем, что особняк оказался в глубине площади и воспринимался с большого расстояния, поэтому он акцентирован восьмиколонным портиком коринфского ордера. Боковой фасад по проспекту Мира решен иначе и имеет только четырехколонный портик. Вход с парадным вестибюлем сделан с улицы Шагова. Художественный облик этого здания является необходимым звеном между парадной пожарной каланчой, нарядной гауптвахтой и официально-торжественными губерскими Присутственными местами. Дом Борщова воспринимается ярким образцом костромского классицизма»⁵. Следует, впрочем, оговориться, что и каланча и гауптвахта возводились уже после постройки дома, в 1825—1826 годах.

В ансамбле с домом находится двухэтаж-

В. Г. Перов.
Портрет А. Н.
Островского.

Гаврила
Яковлевич
Сахаров. С
фотографии,
посланной в
подарок А. Н.
Некрасову.

ный каменный флигель (проспект Мира, 2), построенный Борщовым в 1819 году и интересней тем, что своды первого этажа опираются на массивные столбы-пилоны.

В 1820-х годах в доме неоднократно гостила младшая сестра хозяина Наталия Семеновна (1759—1843). Красивая и умная девушка, она воспитывалась в Смольном институте и обращала на себя общее внимание. В 1774 году ее увековечил в стихотворении «Письмо к девицам Нелидовой и Борщовой» знаменитый поэт А. П. Сумароков, а через два года запечатлел на своем известном портрете маслом не менее знаменитый художник Д. Г. Левицкий (хранится в Русском музее)⁶. В 1776 году Борщова закончила с «шифром» институт и была оставлена при императорском дворе, где с 1809 года стала гофмейстриной над фрейлинами и «кавалерственной дамой». Наталия Семеновна дважды была замужем — за К. С. Мусиным-Пушкиным и за генералом В. фон дер Ховеном. Кстати, в Русском же музее хранился и пастельный портрет дочери Борщова Александры Сергеевны, в замужестве Бибиковой, выполненный А. С. Венециановым около 1808 года⁷.

Здание, лучшее в городе и хорошо обставленное, но большую часть времени пустующее, использовалось и как резиденция коронованных особ при их проездах через Кострому. Так, в 1834 году в нем останавливался Николай I, а в 1837-м — наследник престола, будущий император Александр II, путешествующий по России в сопровождении своего воспитателя поэта В. А. Жуковского, видного географа и статистика, академика К. И. Арсеньева и др. Здесь, несмотря на непродолжительное пребывание в Костроме, Жуковский принял и оказал поддержку и покровительство замечательному краеведу Михаилу Яковлевичу Диеву, подвергнутому преследованию со стороны местного архиерея за то, что, будучи приходским священником,

якобы пренебрегал своими обязанностями, занятый исключительно историческими и этнографическими изысканиями. Тогда в «доме Борщова» наследник дал обед костромским властям и дворянству — в числе приглашенных был известный писатель и издатель П. П. Свиньин⁸.

После смерти С. С. Борщова в августе 1837 года дом унаследовал его сын Михаил Сергеевич. Последний, будучи камергером, постоянно жил в столице, а Кострому навещал редко. В сентябре 1847 года здание сильно пострадало от опустошившего весь город пожара. Борщов-младший не пожелал

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду!»

Позднее Робинзон напоминает: «Так ты в Париж обещал со мной ехать» и огорчается, что не знает французского языка.

«Вожеватов. Да и не надо совсем, там никто и не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции...

Вожеватов. Да какая столица! Ты что, в уме, что ли! О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот куда я хотел с тобой ехать»¹⁰.

Летом 1858 года приезжает в Кострому и останавливается в гостинице «Лондон»

Дом Борщова.
Кострома.

тратиться на его восстановление и в марте 1849 года продал обгоревший дом александровскому купцу Андрею Андреевичу Первшину, который капитально его отремонтировал и открыл в нем лучшую в Костроме гостиницу под названием «Лондон»⁹. Такое название нередко обыгрывалось здешними шутниками. Этот каламбур использовал А. Н. Островский в пьесе «Бесприданница», изобразив Кострому под именем города Бряхимова, а «Лондон» переделав в «Париж». Молодой и богатенький купчик Вася Вожеватов предлагает впервые попавшему в этот город актеру Робинзону:

«Вожеватов (*тихо*). Хочешь ехать в Париж?

Робинзон. Как в Париж? Когда?

Вожеватов. Сегодня вечером... Как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон. Руку!

Н. А. Некрасов, предполагавший поохотиться в окрестностях. Для начала поэту требовалось подыскать спутника по охоте, который мог бы показать ему богатые дичью места. Утром Николай Алексеевич пил чай у себя в номере, поглядывая на площадь. Он увидел выходящего из Еленинской улицы и направлявшегося на рынок в Больших Мучных рядах человека, увешанного связками битой птицы. Некрасов послал за ним слугу, и тот вскоре привел охотника, оказавшегося крестьянином из д. Шода Костромского уезда Гаврилой Яковлевичем Захаровым. В 1902 году сын Гаврилы — Иван Гаврилович Захаров рассказал со слов умершего в 1882 году отца: «Некрасов приезжал как-то летом в Кострому, остановился в одной из гостиниц на Сусанинской площади и послал лакеев разыскивать какого-нибудь охотника для указания мест в Костромской губернии. Один из лакеев увидел на рынке Гаврилу, который нес

дупелей по губернаторскому заказу. Лакей сказал Гавриле о Некрасове и передал ему желание «барина» найти охотника. Гаврила пришел к поэту, познакомился с ним и обещал показать свои охотничьи места. Сейчас же собрались и поехали на тройках в Шоду»¹⁴.

В 1916 году он же отвечал на вопросы местного священника и краеведа Л. А. Парийского: «Николай Алексеевич приехал в Кострому и посылает Кузьму — поди, говорит, поищи охотника здешнего, чтобы нам места показал, Кузьма и пошел.

Тятенька-то это на базаре дичь сдал, а дупелей нанизал на веревочку и к вице-губернатору — идет у собора, несет, вдруг сзади по плечу его хлоп, так он и обмер. А это Кузьма.

— Ты что, спрашивает, охотник?

— Охотник.

— Тебя-то и надо, пойдем, барин тебя трещет.

И пошли. Приходим в номера, в окружной суд. Николай Алексеевич к себе тятеньку, все расспросил.

Ну, говорит, Кузьма, налейте ему двухсотставную. Пей, говорит тятеньке. Тятенька выпил, дух заняло — накрепчайшая водка.

— Теперь, — говорит, дичь оставь, деньги я заплачу.

Тятенька и не вышел, так тут у них в каморке и уснул...»¹²

Действительно, в здании одной из гостиниц на Сусанинской площади, а именно в «Лондоне», в 1916 году разместился окружной суд.

Позднее Гаврила стал постоянным спутником Некрасова в охотничьих походах по костромским лесам и болотам. Сметливый и наблюдательный егерь много порассказал писателю о примечательных местных событиях — один из таких рассказов об убийстве местным лесником двух захожих торговцев поэт положил в основу сюжета поэмы «Коробейники», изданной в 1861 году с посвящением «другу-приятелю».

В 1862 году гостиница перешла к сыну умершего А. А. Первушина Ивану Андреевичу, содержавшему винный откуп в Ростове Великом и не живущем в Костроме, а в 1865 году сгорело новопостроенное здание костромского театра на Павловской улице. На его восстановление потребовалось два года, в продолжение которых театральная труппа давала представления в гостинице Первушина.

После отмены крепостного права в России был проведен ряд реформ. Из них наиболее демократическая судебная, датируемая 1864 годом. Вместо старого сословного суда с его взяточничеством и крючкотворством утверждался новый гласный суд с участием присяжных заседателей. Реформа вносила в стране постепенно — лишь в мае 1871 года в Костроме был открыт окружной суд для разбора уголовных и гражданских дел всех сословий. Заждавшиеся костромичи приготовили для него щедрый подарок — на собранные среди населения деньги купили и вручили суду бывшую гостиницу Первушина¹³.

С конца прошлого века в окружном суде все чаще разбираются дела участников революционного движения (хотя наиболее важные дела политического характера рассматривались непосредственно Московской судебной палатой). В связи с этим боевая дружина

Костромского комитета РСДРП 20 ноября 1906 года совершила дерзкий налет на помещение окружного суда с целью захвата следственных материалов на своих арестованных товарищей. Нападение, однако, потерпело неудачу¹⁴.

Здание Костромского окружного суда нашло отображение в русской литературе той поры. В нем долгие годы служил писмом мелкотравчатый герой известного произведения А. М. Ремизова «Неумный бубен, или Повесть об Иване Семеновиче Стратилатове», большом поклоннике и собирателе старинных: «...двадцати лет начал он свою судейскую службу в длинной, низкой, закопченной канцелярии уголовного отделения, во втором этаже, и вот уже минуло сорок лет... а он все сидел у окна, выходящего в стену трактира»¹⁵. Его прототипом был мелкий чиновник Костромского окружного суда и активный член Костромской ученой архивной комиссии Александр Павлович Поletaев, с которым часто навещавший Кострому писатель виделся у своего друга Ивана Александровича Рязановского, тоже, кстати, служившего по судебному ведомству.

В конце 1917 года окружной суд был ликвидирован, а в здании разместилось множество разных учреждений. Тогда оно отапливалось печами, и в условиях топливного кризиса в каждой почти комнате стояла «буржуйка», круглая железная труба которой высовывалась в ближайшую форточку, — на сохранившейся фотографии дом походил на ошестинившегося иголками ежа.

Культурная революция вызвала в Костроме повальное увлечение театром, особую же популярность среди костромичей снискала балетная студия — кто-то сочинил шуточные стихи, заканчивающиеся словами:

«И все от 3 до 42 лет

Ушли в балет»,

Городские власти в принципе уже дали согласие предоставить здание бывшего окружного суда под театр оперы и балета. Однако к тому времени Россия начала переходить на рельсы нэпа, важное значение приобрел фактор самоокупаемости, а в Костроме с ее 70 тыс. жителей такой театр без крупных дотаций существовать бы все-таки не смог. От открытия нового храма Терпсихоры Костроме пришлось отказаться...

Биографии домов, отметил К. Г. Паустовский, интереснее биографий людей. На примере «дома Борщова» с этим мнением писателя можно, пожалуй, согласиться.

¹ Гос. архив Костромской области, далее ГАКО, ф. 558, оп. 1, д. 133.

² ГАКО, ф. 133, оп. 1, д. 3486.

³ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 449, л. 101; д. 404, л. 108.

⁴ Иванов В. Н. Кострома. М., 1978. С. 151—152.

⁵ Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989. С. 101—102.

⁶ Гос. Русский музей. Живопись XVIII—XX вв.: Каталог. Л., 1980. С. 180.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ См.: Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ... Кострома, 1859. С. 55—64, 84—93.

⁹ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 4827, л. 50; д. 1564, л. 5.

¹⁰ Островский А. Н. Полн. собр. соч. т. 5. М., 1975. С. 56.

¹¹ Мизенец Г. А. Об одном из костромских знакомств Н. А. Некрасова // Костромской листок. 1902. 29 дек.

¹² Вавилова Л. В. Шода и Некрасов // Северная правда. 1972. 5 марта.

¹³ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 2456, л. 4.

¹⁴ 1905 год в Костроме. Кострома, 1925. С. 81.

¹⁵ Ремизов А. М. Избранное. М., 1978. С. 137.